

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ДНЕВНИКИ ЧУЖОЙ СМУТЫ

* * *

Первое, что удивляет в Новороссии, — огромное количество бездомных собак и кошек. Люди уехали, животина осталась и сторожит. Породистая такса в сотый раз лезет носом в высохшую коробку из-под “Активии”. Чем ближе к Снежному, тем чаще попадаются контуженые собаки. Не слышат машины, задумчивы. Ополченцы говорят: зимой собаки начнут сбиваться в стаи и дичать.

Кошки уже далеко от городов — в лесу — перебегают дороги. Охотятся в зелёнке. Пушистые, совсем недавно белые.

В Луганске проехали полгорода — ни одного жителя. Все окна тёмные. Разнообразные последствия бомбёжек. Потом вдруг встретили парня и девушку. Стоят на обочине и обнимаются. Впечатление, сложно поддающееся описанию: мёртвый город — и эти двое, потерялись... Потом дорогу перешёл спокойный китаец: Китай далеко, бежать некуда. И, наконец, на выезде встретился дед, выгуливающий собаку на поводке. Этот дед с собакой... ну, вы понимаете! Собака, говорю, на поводке. Наверное, это самая счастливая собака в Новороссии. Очень спокойно себя ведёт. Показалось, что она ужасно горда этим поводком. И дедом.

* * *

Перед Луганском проехали поле сгоревших подсолнухов.

Никогда и нигде такого не увидишь.

Судя по дороге — стреляли из миномётов.

В Луганске, как уже сообщалось, внешне — никого. Может, кто-то есть, но в 7 вечера — пустота. Остановишься — и как оглушило. Слышали когда-нибудь безмолвный город?

Город, где вообще — ни звука...

Это (дурное слово, но другого не подберу сейчас) заораживает.

Даже ночью такого нет нигде, ни в одном известном мне городе.

Только редкие таксисты летают, как бешеные. Они сейчас зарабатывают здесь больше всех.

Езда — не взирая на правила. Сразу вспомнился Грозный-96. Там мы тоже летали, как сумасшедшие (город после семи простреливался насквозь), и не было ни разу ни одной аварии. Я, по крайней мере, за два месяца не видел.

Вместе с тем, оцените: сообщили, что в мёртвый Луганск завезли большую партию машин. Мы мимо проезжали: *сауелле, hyundai*. Стоят на улице дикие, как те сиротливые коты, о которых ниже. “Видимо, застрахованы с нулевой франшизой”, – предположили спутники. То есть бомбёжка – и бабло твоё!

Ночной пейзаж за Луганском: убитая дорога, и горит поле. Апокалиптический вид. Тьма вокруг – и поле горит.

“Надеюсь, это не корректировщик...” – говорит водитель.

* * *

Первые две малороссийские женщины, которых я встретил в Новороссии, в приграничном селе Изварино.

Одна, лет 55-ти, говорит:

– Когда украинцы (называет их – “эти”) уходили из деревни – я к окну, показать им (показывает средний палец), из окна не видно, на улицу выбежала, кричу: “Да провалитесь вы все, ироды!”

Подошла другая, интеллигентного вида, рассказывает, как ругает своих знакомых мужиков, которые не ушли в ополчение:

– Вы думаете, русские должны приехать и всё сделать за вас?

Через минуту:

– Пусть украинцы приедут и заберут отсюда свои трупы (другое слово употребила, не буду повторять). Они не знают, сколько их здесь. Думают, тут им всё дёшево обошлось.

От себя: я так понимаю, надо придти сюда и убить этих женщин. И тогда точно дорога в Европу будет открыта.

* * *

Вчера проехали несколько десятков блокпостов, едва не половину Новороссии.

На каждом останавливались.

Вот теперь слушаем внимательно.

На всех – я подчёркиваю: на всех блокпостах стоят ополченцы.

Во-первых, визуально отличить контрактника от, назовём так, партизана несложно по многочисленным признакам. Во-вторых, в половине случаев выдает возраст: там стоят отцы, а периодически – деды.

Ну, и речь, конечно. Едва начинают говорить – сразу ясно, откуда люди родом. Все улыбчивые, мужики такие – аж светятся в темноте всеми глазами. “Как у вас тут, не шалят? – Шалят, шалят. – Ну, с Богом, ребята” (“г” фрикативное – “с бохом” звучит).

Под Донецким аэропортом есть чеченцы. Но они никакого отношения к ВС РФ не имеют, естественно.

Если увижу российскую армию – сообщу вам первым. А пока просьба: из Москвы не рассказывать о том, кто тут есть. Хотя... что вас просить...

* * *

Новоросский невесёлый юморок...

На обочинах луганской трассы стоят сгоревшие легковушки.

“Последствия медленной езды”, – сообщает наш водитель.

В каждой машине ехал человек. И не один.

Через пятьсот метров мы пробиваем колесо. Стоим посреди равнины голой, пишем на дорогу, потому что обочина может быть заминирована. Ну, то есть она точно заминирована, но никто не знает, где именно.

Остановилась ещё одна скоростная машина, полная весёлых вооружённых людей: “Вы чего, мужики, тут встали?”

Посмеялись вместе.

Запаска у нас была.

Ополченец: “А вот мост. Под ним мы прятались от “Градов”.

Мощный высокий мост наполовину обвалился, завалив одну полосу. Проезжаем в прогал.

“Характерно, что асфальт не потрескался”, — отмечает водитель.
Тут же рождается слоган: “ЛУГАНСК-АВТОДОР: ПРОВЕРЕНО “ГРАДОМ”.

* * *

Встречали трёх наших возвращённых пленных, двое добровольцев, один вообще не воевал, попал случайно.

При мне, с моего телефона, один позвонил жене (двое детей, дома цветущий бизнес, 70 дней в плену, весь перебитый, рубашку задрал: вот руку пытались отрезать — шрам), другой — матери.

Жена плачет: “Как тебя забрать?”

Последний раз ей звонили “правосеки” месяц назад, пробивали, не врёт ли пленный. И потом весь месяц она ничего о нём не знала.

Пока другой (50 дней в плену) говорил с матерью (долгий и муторный разговор), услышал, как он спрашивает: “Может, мне вообще домой не приезжать, мам?”

Вот так ещё бывает...

Его жена бросила, пока в плену был. Сам сказал.

Рассказывали, что бывают добрые “правосеки”, — успокаивали, не били. Бывают и другие. Совсем другие.

Ещё пограницы бывают добрые.

Украинские солдатики конфетами прикармливали, на день рождения одному из ребят приносили водки и шашлык. Храни вас Бог, солдатики. Спасибо вам.

Всё записали, но имён и мест, кто прикармливал, не выложим, мало ли что. Отучат конфетами кормить “сепоров” свои же.

А про тех, которые совсем другие “правосеки” или “СБУшники”, ничего не скажем пока. Ничего им не пожелаем.

* * *

А этот прикол слышали? Неделю назад нацгвардия похвалилась, что заминировали электростанцию под Луганском. На них свои же пшикнули: “На фиг вы хвалитесь? Спалимся же!”

Её, короче, взорвали на днях. Огромная территория без света. По коломыйскому каналу передали, что это российская армия расстреляла электростанцию. Потому что российская армия очень боится света и не любит воды. Расстреляла и сидит в темноте, сухая.

Но ведь верят, верят же!

* * *

Вчера днём впервые видел, судя по всему, десантуру на броне. Один БТР. Они весело проехали мимо. Мы им помахали, они нам. Ну, может, у них туристический заезд в регион, кто ж разберёт!

Ополченцы из местных рассказывают: знаете, как отличить, кто едет на танках — ополченцы или... не ополченцы?

Когда колонна из шести танков проходит на 60 км/ч по трассе, вписываясь в крутой поворот колея в колею, с математически идеальными интервалами, — значит, это не украинская армия. Это не шесть бывших танкистских водителей, которые когда-то служили в армии, а теперь снова решили тряхнуть стариной — таких тоже много среди ополченцев. Но и это не они.

Это кто-то другой.

По Донецкому аэропорту сейчас бьют из “Градов”.

* * *

Какие были времена, обсуждать не будем, а то утонем в ненужном споре. Скажем так: какие были нравы!

Ладно бы на Великую Отечественную — на так называемую “белофинскую”, то есть насквозь “империалистическую” едет добровольцем поэт Арон

Копштейн, прямиком из Литинститута (он погибает), едет молодой Слуцкий (ранен там и с денисдавыдовской бравадой пишет, что вырвало из плеча “на две котлеты”!).

В 1939 году Евгений Долматовский отправляется на освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии “из-под панского гнёта” (это мы Долматовского цитируем).

Долматовский, между прочим, на пару с Луговским сочиняют песню для того, чтобы воевать было веселее, крайне актуальную:

*Белоруссия родная, Украина золотая,
Ваши светлые границы мы штыками оградим,
Наша армия могуча, мы развеем злую тучу,
Наших братьев зарубежных мы врагу не отдадим.*

Песню назовут “Марш красных полков”, и она будет петься во всех частях.

В 1940 году Евгений Долматовский уже входит с советскими войсками в Прибалтику.

Про Отечественную вообще молчим: нынче всё чаще вспоминают про Хармса и всячески объясняют, почему же он говорил следователю, что хотел бы стрелять в красных офицеров, а не в немцев, а вообще отправились военкорами и обычными солдатами и Слуцкий, и Самойлов, и Межиров, и многие иные...

Возвращались в орденах, в шрамах.

Никак не могу понять, на какую войну в любом качестве поедут нынешние прогрессивные поэты и прочие блоггеры. Не знаю, в кого пальцем указать. Ну, Дима Кузьмин там, Миша Идов... Кто там ещё помоложе, сами подскажите, — можно такую войну представить?

Хармс победил Слуцкого, Самойлова и Долматовского. И Симонова, и Твардовского. Почти один сплошной Хармс вокруг. Одна проблема: никто из них даже и не Хармс!..

Почему говорю “почти”, потому что я тут с такими отличными ребятами военкорами познакомился, вай!

Один из замов по командной части батальона “Восток” сказал, что за убитого ополченца на той стороне платят 20 тысяч, а за журналиста российских каналов — сто. Дороже спецкоров-военкоров только командиры и всякие видные управленцы Новороссии.

— Да ладно!.. — не поверил один из военкоров. Они тут все скромные ребята. — Что-то не верю!

— Не веришь? — ответил ему ополченец с замечательным кавказским акцентом. — А давай проверим!

Среди спецкоров-военкоров есть тут Семён Пегов, который в статусе личных врагов Майдана пребывает с самого Майдана (он там сидел под снайперским обстрелом три часа, и потом его обвинили в том, что он сам этот обстрел и корректировал) и фигурирует в списках “врагов нации”.

Семён уже несколько месяцев в Новороссии (до этого был революционный Египет и прочее).

Он поэт. Стихи у него сногшибательные.

Так что не всё потеряно, друзья, не всё потеряно. Одни ходят на Марш мира, другие — под обстрелом ходят.

* * *

Едем несколько часов назад в полной темноте из Луганска по долинам и по взгорьям. В районе Дебальцево на блокпосту мрачно говорят:

— Мужики, навстречу идёт колонна. Судя по всему, не наши. Если что — вываливайтесь из машины и в лес.

Согласно киваем, мол, спасибо, непременно воспользуемся вашим советом. Неспешно движемся, обмениваясь мнениями. Двое в джипе, на двоих один ПМ.

В ближайшие десять минут никого не встречаем. На следующем блокпосту тормозят. Спрашиваем:

— Что была за колонна? Прошла?

– Да прошла недавно. Это часть укров вышла из окружения, перешла трассу и направилась дальше полем. На трассе они остановили автобус, всех выгнали, автобус расстреляли, совсем больные.

В общем, немножко разминулись мы с ребятами.

Предыстория нашей невестречи такова.

С утра я сделал пост о котле украинских войск в Дебальцево. Тут же пришли крайне осведомлённые читатели из Киева и стали смеяться. Котёл? В Дебальцево? Ха-ха-ха! Залез в украинскую прессу: так точно, пишут, что котёл – это “ватная” пропаганда, ничего такого нет.

Теперь о грустном.

Из котла вышла только часть украинских солдат, остальные пока там. Насколько далеко ушла эта часть, будет понятно утром. Резюмируем: пристегните булавкой свои языки к верхней губе и заходите в гости читать новости. Думаю, ни одного украинского журналиста в Дебальцево нет. Или со свободой слова у вас проблемы.

* * *

Ехали в “Газели” с выпущенными из плена ополченцами. Их было 14. Наконец, рассмотрел всех вблизи. И послушал.

Возраст 45–65 лет. В основном – чуть больше полтинника.

Если одним словом определить: работяги.

Но не деклассированный тип работяг – из убитых моно-городков, – а тот, прежний, советский. Когда работяга с завода записан в библиотеку, у дивана всегда лежит книжка с закладкой уголком страницы, а порой и в театр с женой ходит... и так далее. Думаю, многие помнят ещё этот тип: принципиальный, упрямый, правильный, читает “Науку и технику”, лоджию сам обустроил, плитку в ванной сам положил, отлично отгадывает кроссворды, но не потому, что нахватался ответов в других кроссвордах, а потому что твёрдо знает многие штуки на свете. Сыну объяснит ответ по истории или географии. Патриот, естественно. Одно время, лет 20 назад, был антисоветчиком, но за несколько лет прошло.

Этот рабочий тип я и узнал в автобусе с пленными. От них даже запах шёл прежний – рабочего человека, курящего, опрятного.

Мы там многие вещи обсудили, они дружно и хрипло, как и положено работягам, смеются (потом многие хватаются за рёбра – отбито нутро), все поголовно курят – торопливо, досмаливая, будто торопясь на смену. За четыре часа в машине никто ни разу не выругался матом.

Единственное отличие от того, советского типа – почти все крестятся, когда залезают в машину. Ехали ночью, линия фронта то приближается, то удаляется, а они только что из плена – ну, понятно.

Рассказывает один из них:

– В ополчение вступил в Славянске. Когда выходила колонна, я ехал за рулём грузовика, рядом взрыв – осколком ранило в переносицу. Машина врезалась. Потом гляжу – и бензина нет. Пока выскочил на дорогу – наша колонна прошла. Очень быстро неслись. Я забежал в какой-то двор. Не прошло и пяти минут – прямо вслед за нашей колонной идут каратели. Слава Богу, не рванулся навстречу – по-русски же говорят, сразу и не отличишь. Потом слышу: “Начинаем зачистку!” ...Спрятался в зелёнке, там и провёл всю ночь. В укромном месте закопал автомат и камуфляж. Вернулся домой, это было 6 июля. А 29 июля меня сдали местные доброжелатели: так и так, мол, ополченец. С тех пор был в плену.

– Семья есть?

– Жену похоронил. Один сын в Краматорске живёт, ему 25 лет. Другой воюет где-то. Но я пока не дозвонился до него – тут разве найдёшь кого...

* * *

Пленные, хоть сколько-нибудь не похожие на русских и похожие на кавказцев, рассказывают, что их жесточайшим образом били, чтоб они признались, что они чеченцы. Выбавали: либо ты агент ФСБ, если белый и русский, либо чеченец, если не белый и не русский.

Нацбол Симон – полуармянин, полурусский – тоже про это говорил. Будет видео.

Чеченцы здесь не кадыровские, а добровольцы, Кадырову категорически запретили перегон сюда спецов (а у него очень серьёзные спецы!).

По ощущениям – чеченцев украинские войска, мягко говоря, опасаются особенно сильно. “Чеченцы сделали себе хороший PR, – сказал мне один ополченец-осетин, с некоторым даже огорчением. – Русские – и те берут себе позывной “Чечен”. Зачем?!”

Про Моторолу я писал, как он врубал намаз, и на украинских позициях начиналась чудовищная и истеричная стрельба.

Моторола лично подползал к украинским позициям (он корректировщиком в Чечне был) и зарисовывал: вот тут у них – АГС (30-мм автоматический миномёт), вот тут – пулемёт и так далее. Возвращался и долбил “Ноной” (самоходное артиллерийское орудие, 120 мм). Причём повторял этот фокус не раз и не два. Намаз и “Нона” обошлись очень дорого той стороне.

...Прямо говоря, москалей на той стороне привыкли презирать, как недолюдей, а вот чеченцы – это да, это сила и опасность.

Подумал, что отношение в Европе к русским примерно такое же, как на Украине к чеченцам: “Таинственное и страшное зло, из области жуткого, иррационального, непобедимого”...

А мы вот к чеченцам спокойно относимся. Чеченцы и чеченцы, есть в России такой народ.

Мне Хасан позвонил в Донецк, мы с ним вместе служили в своё время в Грозном. Он говорит: “Ты на Украине, что ли? А ты что там делаешь?” “Тебя жду”, – говорю. Посмеялись.

Не жду, не жду. А то правда поверят.

* * *

Про одного ополченца говорят: едва началась тут война, он от нетерпения рванул в Славянск на велосипеде, ночью. Все его знали как конкретного ботана и такой ретивости никто не ожидал. Проехал 240 км. Выехал вечером, ехал всю ночь, на другой день приехал. Там уже были блокпосты, он на каждом останавливался и агитировал украинских солдат переходить на сторону ДНР. Его почему-то не убили, но тогда всё ещё только раскачивалось...

Так и добрался, в общем. Теперь у него две медали уже.

* * *

Актёр Максим Виторган написал, что с интересом читает мои заметки из Новороссии.

Первый же комментарий к его посту сделал Андрей Кавун. Комментарий такой: “Надеюсь, ему там башку снесут”. Ну, то есть мне. Башку.

Я глянул комментарий и вроде как забыл, таких доброжелательных кавунов ко мне заходят толпы. Чаще даже кавуних, а не кавунов.

А потом вдруг щёлкнуло: вроде режиссёр такой есть?

Вернулся к посту: а, да – он самый, автор очень крутого фильма “Кандагар”, идиотской “Охоты на пиранию” и очень стильного “Шерлока Холмса”, который мне ужасно понравился.

Кавун у нас, оказывается, во Львове родился.

Ну, это многое объясняет.

Если ты из Львова – ты вполне можешь пожелать парню из Рязани, чтоб ему снесли башку.

Я ему такого не пожелаю, тут Россия, Кавун вполне может и дальше своё кино снимать в проклятой оккупационной стране, никто ему ничего не скажет. И я тоже посмотрю его кино.

* * *

Вот Андрей Бильжо дал нам прекрасную иллюстрацию к вчерашнему моему посту про 15 тысяч на Марше мира и 15 тысяч в Новороссии.

Бильжо пишет: “Странные дела... Я заметил, и мне об этом сказал не один человек, а очень и очень многие, что когда они выходили из дома, то думали, что на марше никого не будет. Ну, или почти никого. **НО ШЛИ**. Это же, друзья мои, минуты **СМЕЛОСТИ**. Это потом, когда увидели толпу у рамок, то стало спокойнее. А когда выходили из подъезда, то было не очень комфортно. Эти минуты смелости испытывали, выходит, тысячи и тысячи людей. Выходит, не все так плохо. И даже не надо думать на эту тему. **ПУСТЬ ОНИ ДУМАЮТ. ЕСЛИ ЕЩЕ СПОСОБНЫ...**”

Там ещё три тысячи таких постов было. “О, мы сделали это!”

Оцените! Они собрались и вышли. И шли. “А вдруг нас будет мало? А вдруг прогонит милиционер?” Но дошли. Монстры.

А в Новороссии сидит и занимается вызволением пленных Симон, которого трижды выводили на расстрел, требуя, чтоб он оговорил товарища, а он не оговорил. И они, приставив ему ствол к голове, спускали курок. Три раза.

А в Новороссию приехал нацбол Рост, у которого жена беременная, но он ей пообещал, что вернётся.

А в Новороссии работает шесть месяцев, к примеру, военкор Женя Поддубный, которому в голову не придёт написать большим шрифтом про **МИНУТЫ СМЕЛОСТИ**.

В итоге мирные маршаранты ещё и предлагают “им” (это кому?) “подумать”. А то плохо будет, видимо.

Самим-то думать, вестимо, не обязательно. Мы уже знаем: ваше сногшибательное гвардейское мужество заменило вам рефлексию. Только отойдите за поребрик, пожалуйста.

* * *

Мы проезжали город Ровеньки с местным жителем. Он говорит: когда война началась, местные жители собрались бежать – в Россию, естественно, – и не по трассам, где были блокпосты, а по грунтовке. Шли колонной в 80 машин. Навстречу выкатились украинские танки и всю колонну расстреляли. Они думали, что это колонна ополченцев, наверное. Что она идёт в тыл им. Предполагаем, что так думали. Иначе вообще невозможно ничего объяснить. Машины начали разъезжаться, но куда там по полю уедешь! Погибло несчетное количество людей. Неприятная правда? Давайте вместе сделаем вид, что Россия пришла к вам с войной в ваш мирный дом, а вы тут ни при чём.

Это ужасное поле долгое время стояло, как картина из ада. Потом понемногу оттуда растащили то, что не сгорело. Теперь нам говорят: приезжайте в Киев, у нас нет никаких бандеровцев, вы сами их придумали. Ко мне вот только что заходила в *facebook* женщина с Украины и написала, что “напрасно украинская армия такая гуманная” и что “после себя украинским военным нужно оставить выжженную степь”.

Не нужны вам никакие бандеровцы. У вас и так всё есть.

* * *

Подвозили из Донецка мужика, которого недавно обменяли, – ополченец. Его, когда он пропал, спутали с кем-то другим, погибшим, и другого человека похоронили под его фамилией, поставили крест с табличкой. В общем, живёт человек, а у него могила теперь есть – фамилия, имя, всё как положено, только одна дата перепутана.

Мы подвезли человека до его могилы. “Дальше сам”, – говорит.